

ПОЭТ ЙОВАН ЗИВЛАК О БУРЯХ ВОКРУГ НАС И О НЕВЕРИИ В УТОПИЮ

На ЗОЛОТОЙ ОТМЕЛИ поисков

Мир силы беспринципен, неуловим и хочет всё подчинить себе. Эпоха великих спасительных и эмансипационных истин закончилась. Человек висит над пропастью, в спектакле без глубины.

Всё, что нас окружает, ошеломляюще и связано со злом. Круг не закрывается очищением, миром с добрыми силами жизни. Культура и искусство унижены, тривиализованы и находятся в руках среднестатистических «духов», превращены в сезонную «перфорацию». Мы переутомлены, заняты и одержимы. Но всё это не означает, что шансы человека ничтожны

Текст: Бранислав Матич

Зивлак вырос на равнине – цветок из букета далёких краёв. Он стремился к свободному стиху и видению далей. Слывет современным и самобытным поэтом, тихим бунтовщиком, знающим намного больше, чем ему бы хотелось. По его мнению, думать о мире – значит участвовать в его непрерывном созидании. Он не любит регионального нарциссизма и тени его провинциальной политики. В Нови Саде Зивлак уже давно видит экстремальные концепты эстрадной поэзии и сомнительного авангарда, однако решил терпеливо созидать высокую культуру знания и собственную художественную позицию. И у него это получилось. На смотровой башне этого «здания» сегодня мы видим мозаику Йована Зивлака (Наково, 1947).

Древо. Мои предки – из Далмации, из городка Дицмо. Они отошли к Краине с другой стороны Динары, когда турки продвинулись дальше от моря в семнадцатом и восемнадцатом веке. Мой предок, возможно, в Краину вернулся, так как граница между турками и млечанами часто менялась после захвата Вены, а также благодаря постоянным восстаниям сербских ускоков. Насколько можно заключить из немногочисленных преданий, мой предок в одиночку пришёл в Ресановци, что близ Грахово, там был на-

зван Зивле, Зивлак, что значит ягнёнок, оставшийся без матери.

И по линии матери мои предки были горцами. Мать моей бабушки – Боя – была из рода Чеко и состояла в близком родстве с Гаврилой Принципом, который был того же рода. Их дома стояли рядом, они вместе, будучи детьми, играли на пустыре перед домами в Обляе. Однажды приехав из Баната в Обляй, я удостоился полистать сохранившуюся тетрадь Гаврилы, где он записывал стихи. Я был очарован. Этой тетради больше нет, как несколько лет назад сообщил мне потомок Принципа и его тезка.

Моя мать Милица родилась в Исьеке, её отца звали Дамьян Бурсач. Он провёл

Фото:

Архив собеседника

Путь, знаки

Йован Зивлак (Наково, 1947) – поэт, эссеист и критик. В Нови Саде он закончил философский факультет на отделении сербского языка и литературы. Являлся главным редактором журнала *Поля*. Возглавлял издательский дом «Миры», сейчас руководит «Адресом». Автор и редактор журнала *Златна греда* (с 2001 г.). Основатель и директор Международного литературного фестиваля в Нови Саде (с 2005 г.). Председатель Общества литераторов Воеводины с 2002-го до 2010-го года. Опубликовал четырнадцать сборников поэзии на сербском (с 1969 г.) и четыре книги эссе (с 1996 г.). Зивлак представлен во многих сербских и мировых антологиях. Его книги переведены на французский, венгерский, македонский, итальянский, словацкий, румынский, болгарский, немецкий, польский и испанский языки. Получатель шестнадцати образцовых сербских и международных наград.

► Брат Душан,
отец Лука,
Йован

Йован, мать
Милица, брат
Душан,
двоюродный
брат Йован

почти восемь лет солдатом чёрно-жёлтой монархии, четыре года был в армии во время Великой войны. Был в Вене, Триесте, Пеште, Софии. Будучи посыльным, непосредственно не испытал на себе ужасов войны.

Мать выросла в большой семье, у неё было шестеро братьев и одна сестра. Сестра погибла партизанкой, один брат умер на войне. Самый старший брат, офицер, сидел в тюрьме в Билече за сотрудничество с информбюро.

Отец моего отца – Йован – умер во время войны; Отец Лука, учащийся авиационного училища в Райловце, был военнопленным в лагере в Германии, а его брат Сава (сначала партизан, а потом четник в Книне) эмигрировал в США. По мере рассредоточения семьи исчезало и родовое гнездо в деревне.

Я был мальчиком, когда мне привелось стать свидетелем в Накове – деревне близ Баната – происходившее после колонизации разрушение старых обычаев, забвение веры, превращение семей во временное явление. Колонизация являлась начинанием с двойным эффектом: создавалась популяция сельскохозяйственных работников, которые продолжат производство на опустевших полях Баната, и формировалась социалистическая модель человека, ставшего заложником прогресса, когда наряду с коллективом доминировала техника – продукт индустрии и науки. Такая перемена была обусловлена твёрдой и примитивной идеологией.

Старые картины. Родной край был для меня этакой скорлупой, из которой я постепенно узнавал о существовании других миров, других людей. Сначала я жил в закрытой общине. Даль была неоглядной. В то время от нас проходила ухабистая грунтовая дорога до Кикинды. По ней ездили редко. Тракторы и несчастные автобусы до Кикинды – вот и весь транспорт. Работа на полях, школа как место дисциплинирования, жизнь среди мимолётных и строгих встреч взрослых, послеобеденная расслабленность во дворе таверны, где пили пиво и играли в кегли... Воскресные дни на футбольном поле, страстные и шумные болельщики. В деревне имелось несколько телефонов. Из громкоговорителей на столбах звучала музыка, политические беседы, тран-

сляции футбольных матчей, местные новости. Потом появилось радио, немного позже – телевидение. Мы все вместе смотрели единственный телевизор, поставленный на окно Дома культуры.

Частная жизнь практически не существовала. Мы жили в навязанной близости. Однако в детстве я открыл для себя одиночество. Бегал по полям, спускался по склонам канала, заглядывал в просторные тенистые рощи, наблюдал за птицами, мелкими беспокойными грызунами, земноводными, насекомыми. Красочный и дикий мир, царствующий на лугах и полях, казался мне необычным и свободным, одиноким и неукротимым. Уже тогда я увидел роскошь природы во всех её обликах и законах, я восхищался этой богатой и неуловимой тайной жизни.

Близкие дали. Ребёнком я был ненасытно любопытен. Часто терялся, когда родители не давали ответов на мои вопросы, тогда приходило чувство ненужности. Книги я открыл для себя в дедушкином доме, они стояли на зелёной полке. Настоящее богатство: Пушкин, Чехов, Достоевский, Тургенев, английские и американские рассказы. В библиотеке отца доминировал Бруно Травен с *Восстанием повешенных*. Оттуда я слышал голос праведника и вдохновлялся состраданием, сочувствием к отверженным.

В школе нас учили писать патристические стихи, но никто не мог мне объяснить, как надо писать свободные стихи. Меня это мучило, когда я был мальчиком, несколько лет. Я умел использовать свободный стих, но толком не понимал, что он значит.

Я читал школьных поэтов, а позже в сельской библиотеке, как и в городской в Кикинде, я нашёл множество ответов у великих поэтов. Меня охватывал огонь при чтении Рембо, Бодлера, Элиота, Паунда, Пастернака, Сен-Жон Перса, Рене Шара... Позже я стал серьёзнее увлекаться нашими поэтами. Поздним Дучичем, надреалистами, Црнянским, Васильевым. Художественными открытиями в то время я делился с братом Душаном, избравшим своим делом искусство скульптуры, которому его никто не мог обучить в деревенском обществе. Впоследствии он закончил Художественную академию в Белграде и переехал в Париж.

► Йован в
молодости

С поэтом
Миланом
Комненичем

▲ С русским писателем Эдуардом Лимоновым

С поэтом и философом Жан-Пьером Фаем

Моя юность проходила под музыкальный аккомпанемент: я слушал «The Beatles», «The Rolling Stones», «The Troggs», «The Hollies»... Шестидесят восьмой год встряхнул меня – во мне горел мятежный дух.

Равнина. Она для меня была всем. Ничего другого я не знал, кроме туманного и бескрайнего пейзажа. Силуэты и контуры лесов, хутора, высокие постройки, мельницы... Я видел мир, близкий мне, а далёкий всё ещё был сокрыт. Моя мечта горела, пока я пытался вникнуть в события, скрывавшиеся за множеством имён, чтобы почувствовать чудесные образы дали, её отношения со словом. Я выдумывал истории, в которых равнина представлялась как местность, населённая интереснейшими людьми. Это был детский романтизм, наделавший мир загадочностью.

Однако позже я увидел равнину культурной эмблемой во многих стихах поэтов Нови Сада. Она стала для меня знаком литературного консерватизма, обличительного регионализма, который я отрицал.

Отголоски

Не стоит идеализировать других. В литературе необходима личность, понимающая искусство и умеющая беседовать. Идеального читателя не существует, с позиции писателя он является в некоторой степени совокупностью различных видений и пониманий искусства. Могу сказать, что у меня есть привилегия разговаривать о моих новых текстах с выдающимися собеседниками. Мой самый внимательный читатель – это моя супруга Йованка Николич, писательница, она уже на протяжении сорока лет самоотверженно мне помогает.

Приезд. Нови Сад я не выбирал. Это была необходимость, поскольку у меня не получилось поступить в Белград на драматургический или философский факультет.

Тогда я читал современную драму: Беккета, Йонеско, Жене, Брехта, Сартра... Много времени проводил в театре Кикинды: смотрел спектакли, беседовал, немного сотрудничал. В ту пору мне казалось, что театр является мощным видом современного искусства. Склонность к театру позже проявила себя: в Нови Саде я время от времени писал театральную критику, а в семидесятые годы основал фестиваль экспериментального театра «Мало позорје – Off thetar» («Малая театралья») на Трибуне молодёжи.

В Нови Сад я приехал с иллюзиями и со своеобразной реалистичной иронией. Я не надеялся встретить Лазу Костица и Змая, а уж тем более какого-нибудь романтического эстета или философа. Этот город не был склонен к высокой культуре, несмотря на то что во многом был одним из ведущих культурных центров Югославии. Меня встретила там знаменитая поэтическая эстрада от Антича до Зупца, официальные и сконфуженные журналисты – тени повсеместной провинциальной политики, представители местного неоавангарда, которые тогда доминировали в журналах, газетах и на трибунах. У меня была своя интерпретация авангарда, я отрицал его ассимиляцию с политикой, особенно мне претила его диалектическая исключительность искусства для искусства, а также их специфика восприятия поэтики. Когда в

▲ С поэтом Стеваном Раичковичем

С писателем Милорадом Павичем

небольшом городке живут такие экстремальные концепции – от популярной лирики, фатальной в своём самолюбовании, через неоавангард, представленный локальными потомками лидеров коммунизма и во имя прогресса отправляющий вас в макулатуру, до нарциссизма в форме общего вздорного мнения местной политики, – вам не ничего остаётся, кроме как терпеливо и тайно выстраивать свою художественную позицию. Притом, вы не можете быть уверены в осуществлении проекта всей вашей жизни.

Город был превзойдён. Я работал редактором на Трибуне молодых, потом в Полях, позже в издательском доме «Миры». Я не выбирал образом жизни богему, которая была скорее гримасой, чем культурой, а в Нови Саде её было слишком много; не связывался ни с политикой, в то время особо заинтересованной в контроле искусства и дисциплинировании его деятелей, ни с авангардным просветительством, которое то и дело устраивало перевороты в искусстве, чтобы его разрушить. Но я выбрал осторожность, мышление как культурную и общественную эмансипацию, сомнение в отношении утопии и их благородного насилия, за которым скрывался региональный нарциссизм и сведение целой действительности к банально просветительской идеологии.

На Трибуне, в Полях, в «Мирах» мы создали знаковую культуру знания, понимания нового мышления и искусства: от структуриализма и постструктуриализма до постмодернизма. В Нови Саде

публиковались многие литературные новинки (Деррида, Фуко, Лиотар, Компаньон, Рене Жирар, Поль Вен, Жак Ле Гофф и многие другие), приезжали мыслители и писатели из разных уголков Югославии, Франции, России... Эта традиция продолжается на Международном литературном фестивале в Нови Саде, основанном мной в Обществе литераторов Воеводины десять лет назад. Сюда съезжается элита европейской и сербской поэзии, это событие подробно освещается в журнале *Златна греда*.

Всё это сопровождалось напряжением, столкновениями, препятствиями, однако Нови Сад теперь снова может похвастаться местной элитой философов, критиков, поэтов, такими как Драган Прол, Алпар Лошонц, Дамир Смилянич, Владимир Гвозден, Зоран Джерич и другие.

Моменты моего романтического самопросвещения я переживал в дружеских беседах с почившим поэтом Миланом Дунджерским, при многочисленных встречах с поэтом Миодрагом Павловичем, философами Миланом Дамьяновичем и Николой Милошевичем, поэтом Любишей Йоичем, философами Данко Грличем и Иваном Фохтом, востоковедом Душаном Паиным, германистом Срданом Богосавлевицем...

Этот мир. Существуют только представления и конструкции миров, которые меняются и противопоставляются. Таинственный биокосмический мир для нас непостижим. Как сказал Витгенштейн, мы даже не знаем, как чувствует себя обычный пёс.

Наш мир – социальный, мир человеческих отношений и обществ, которые нас принимают или отвергают. В этом мире правят силы разнообразной природы. То, что для нас важнее всего, отнимается у нас силой, нас превосходящей. Мир немилосерден, наши восхищения наивны, учитывая общее насилие, окружающее нас повсюду. Вместо любви, добра и счастья всем навязывается всемогущество. Человеческая мощь не менее разорительна, нежели та, что находится в законах природы. А мы спасаемся сочувствием, эмоциями и любовью от всепоглощающего немилосердия.

Перед пропастью. Эпоха великих спасительных и эманципационных истин закончена. Человек находится перед пропастью. Перед пропастью космической катастрофы ввиду истощенности потенциала Земли, или из-за непредвиденного и фатального космического инцидента, или (в лучшем случае) антропологического апокалипсиса. Вместо великих истин под видом религиозных и секулярных утопий мы имеем малые локальные мифы о спасении. У этого общего определения есть много названий. Производство этих мифов бесконечно. Они дают возможность для спасения потерянного смысла и для общего успокоения человеческих амбиций понять мироздание.

Мир силы беспринципен и неуловим, с постоянным желанием подчинить всё себе, надзирать и убийственно контролировать человеческую популяцию. С ним рука об руку идут миры потребления, производства, развлечений, торговли природой, временем, удовольствием, измерение успехов в общем бессмысленном соревновании... А по краям от них шествуют мышление и искусство, которые упрямо пытаются трактовать подобный спектакль поверхностно.

Европейские тени. Европа – большая ризница культуры, но и великий мастер зла, как сказал Пауль Целан. Она объединяет, интегрирует, в то же время дисциплинирует небольшие государства и участвуя в просветительских и военных кампаниях по отношению ко второму и третьему миру. Разумность Европы – разумность торговая, а там, где торговля

не функционирует, дело завершает сила – европейская и атлантическая. Европа бюрократична.

Когда-то интеллектуалы «продумывали» Европу и развивали её критический дух. Сартр, Камю, Сиоран, Фуко, Хабермас, Генрих Белль... Сегодня их нет. Когда разрушалась старая «Европа холодных войн», их было тьма. Теперь, надо понимать, работа завершена и они стали лишними.

Я не способен оценить, была ли когда-то Европа лучше, но я надеюсь, что она создаст культуру и искусство, которые запомнятся потомкам.

Между единой Европой и Европой наций я бы выбрал вторую. Европа культур и языков, а не одной культуры и одного языка, к чему, по всей вероятности, стремится этот континент.

В океане зла. Трудно не почувствовать, что мы находимся в океане зла. Всё, что нас постигает, ошеломляюще и связано со злом. Круг не закрывается очищением. Нет этого античного экстаза, освобождающего нас и примиряющего с добрыми силами жизни.

Завтра мы откроем газеты, если ещё не махнули на всё рукой, и встретимся с новым вторжением зла, с его непрерывной инвенцией. На телевидении и на *You Tube* мы видим отрезанные головы журналистов, на которые указывают фанаты, ежедневно смотрим фото убийств, катастроф, каннибализма, параллельно с изощрёнными порнографическими представлениями аморальных звёзд, политиков и богачей.

▲ Жерар Картье,
Йован Зивлак,
Пауль Кейнег,
Мэтью Суини

▲ С супругой
Йованкой
Николич,
Джоном Хартли
и Нилом
Макдевит

Унижение. После согласия его друзей-поэтов на то, чтобы их стихи печатались на салфетках, Мишель Деги лет десять назад забил тревогу, чтобы не допустить унижения поэзии. Рыночные механизмы внесли большой вклад в тривиализацию литературы, в опущение её до уровня производства и моды. Литература становится полем для развлечений и временной забавы. Она имитирует разговор, особый вид сознания, принимает начала применения и потребления, ввиду чего вянет в производстве тривиального оттенка.

На каждом шагу нас пытается вербовать торговая экономика – так исчезает разнообразие. За последнее десятилетие, по словам Алена Кирби, мир в интеллектуальном смысле сузился, а не расширился. Там, где Лиотар видел сумрак больших историй, сейчас наступает идеология глобализованной торговой экономики как единственный всемогущий

Музыка

Моя музыка – музыка восторженная, дионисийская. У меня нет времени на лёгкую, простую музыку. Я люблю рефлексию в музыке, вес, темноту. Иногда музыка меня мучает, разрывает на части: ведь если она необычна, то многого требует и от нас. К музыке следует быть подготовленным, открытым. Недавно я слушал Скрябина, Арво Пярта и Рене Обри – на первый взгляд лёгкого и ироничного композитора.

Разумеется, есть и другие жанры музыки, которые воскрешают важные события или картины, с которыми у меня связаны воспоминания, запечатлевшие мои детские и юношеские эмоции и откликающиеся в моей душе вырванным словом или фразой минувшей жизни – жизни общества, коему я принадлежу.

регулятор общественной жизни – монополющий, всеобъемлющий, структурирующий...

Мосты, влияния. Это туманно. Существует множество книг, авторов, голосов из других регионов и жанров, социальных побуждений. Литература не химический элемент, которым можно управлять.

Я всегда ценил мятежников, нонконформистов, маргиналов, а также центральных личностей определённой эпохи. Меня восхищал Пиррон, поскольку опровергал всё, даже реальность; Диоген, презиравший социальные конвенции; Катул – великий поэт; Бодлер – бунтовщик; Паунд – поэт с большими заблуждениями; Црнянский...

Я любил зиму, почитал её как автора паннонского пейзажа, слушал эхо голосов, отражавшихся от склонов оврага; уважал маминого отца, который верил в жизнь и терпение; я любил моего пса, которого убили деревенские охотники, – это потрясло меня на всю жизнь...

Откровения и повторения. Путешествия часто полемичны. Вы спорите с тем, что уже стало клише, пробуете открыть другую, более глубокую действительность. Отказываетесь от предрассудков, страхов перед чем-то новым, от знания и красоты, где их нет.

Но путешествия уже не являются откровениями, всё уже изведано и вы не сможете испытать то, что в своё время испытали знаменитые авторы путевых заметок – Дучич или Велимирович, открывавшие другую реальность. Мир повторяется, и вас преследует ощущение, что вы всё уже видели и мир везде одинаков.

Сила для творчества. Все мы изнурены, заняты и одержимы. В таком состоянии невозможно писать. Этот процесс требует открытости, свободы, внутренней расположенности принять мир со всеми его противоречиями, почувствовать его. И внешний мир, и тот, который создаёте вы. Важно быть готовым ощутить трепетание листа, уметь окупаться в происходящее. Чтобы это было возможным, вы должны быть сильными и освободиться от агоний повседневной жизни. ♦

